

Состояние

Книга Пути и наблюдения

СО 100

Я

Н И Е

Для тех, кто уже вышел
Философский роман-путешествие

СЕРГЕЙ ЗАБИЯКО

Сергей Забияко

Состояние. Книга

Пути и наблюдения

<https://litres.ru/74494874>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юсуф прожил долгую жизнь и много лет откладывал одно простое обещание — увидеть море. После смерти жены он наконец оставляет Бухару и отправляется на запад вместе с караваном. Дорога проходит через города, горы, рынки и караван-сараи, но главное путешествие происходит внутри самого человека.

Встречи с торговцами, воинами, богатыми и бедными, свободными и зависимыми постепенно меняют представление Юсуфа о власти, деньгах, страхе, выборе и свободе. Чем дальше он уходит от привычного мира, тем яснее становится: состояние человека определяется не только тем, что с ним происходит, но и тем, как он присутствует в происходящем.

«Книга Пути и наблюдения» — философский роман-путешествие о времени, которое нельзя отложить, о дороге после утраты и о свободе жить прежде, чем наступит очередное «потом».

Содержание

Для тех, кто уже вышел	4
Пролог	5
Часть I. Увидеть Путь	17
За западными воротами	17
Пыль	27
Двор со многими дорогами	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Забияко
Состояние. Книга
Пути и наблюдения

Для тех, кто уже вышел

Философский роман-путешествие

Пролог

К вечеру Бухара стала меньше, чем Юсуф ожидал.

Он прожил в ней большую часть жизни и почему-то думал, что город будет долго держаться за спиной, будто человек может измерить значение места тем, сколько времени оно остается видно. Но сначала пропали голубые купола, потом растворились стены, а через час на востоке лежала только светлая полоса пыли. Юсуф несколько раз оборачивался. На четвертый поймал взгляд старшего караванщика и перестал.

Караванщик звался Мурадом. Он был широк в плечах, сед, говорил мало и держал себя так, словно вся дорога от Бухары до Хорасана принадлежала не ему, но была чем-то вроде давнего родственника, с которым давно перестали спорить о характере. Он заметил, что Юсуф перестал оглядываться, и ничего не сказал. Это понравилось Юсуфу больше, чем если бы тот спросил, кого старик оставил за воротами.

Караван был меньше тех, что Юсуф помнил по молодости: девять верблюдов, четыре мула, две крытые повозки, несколько выючных животных и два десятка людей, если считать тех, кто присоединился на первые дни пути. Мурад сразу предупредил, что состав будет меняться. Один торговец уйдет на юг, другой повернет к родственникам, кто-то пристанет позже. Дорога не обязана сохранять людей ради удоб-

ства счета.

Юсуф шел пешком рядом со своим мулом, которого взял внаем вместе с местом в караване. Мул был серый, невысокий и, по словам Хамида, молодого погонщика, обладал тремя достоинствами: не кусался без причины, не падал без предупреждения и терпеть не мог людей, которые считают себя умнее мула.

— Откуда ты знаешь третье? — спросил Юсуф.

— Он уже дважды пытался сбросить господина Фарида.

Хамид сказал это тихо, но недостаточно тихо. Впереди обернулся молодой человек в чистом темном халате.

— Если животное плохо обучено, вина обычно у того, кто его ведет.

Хамид опустил глаза.

— Конечно, господин.

Фарид отвернулся.

Юсуф посмотрел на Хамида.

— А ты зачем дразнишь человека, который может пожаловаться Мураду?

— Чтобы проверить, умеет ли он слышать дальше собственного имени.

— И что выяснил?

— Пока имя очень громкое.

Юсуф невольно улыбнулся.

Хамиду было лет девятнадцать. Он был худ, загорел и двигался быстро, словно всякий раз заранее знал, за что сейчас

схватится. На нем была простая шерстяная одежда, на ногах разношенные сапоги. Он работал за плату и еду, отвечал за трех мулов и спал там, где Мурад находил для работников место. Через несколько дней Юсуф поймет, что Хамид знает о каждом животном больше, чем многие хозяева знают о собственных детях, а о людях выносит суждения быстрее, чем следовало бы. В тот вечер старик еще считал его просто дерзким мальчишкой.

Фарид, напротив, нравился ему с первого взгляда. Молодой человек хорошо говорил, умел слушать собеседника не перебивая, знал стихи, читал книги, происходил из семьи судей и ехал к дяде, служившему при одном из западных дворов. Он не хвастался богатством, но ему не приходило в голову скрывать то, что для него было естественным: хороший конь, отдельный слуга до ближайшего города, деньги на лучший ночлег и уверенность, что его письмо откроет некоторые двери быстрее, чем чужая просьба.

Рядом с Фаридом ехал Рашид, молодой торговец сушеными плодами. Ему было двадцать четыре, хотя он говорил так, словно уже пережил не меньше трех торговых домов, двух войн и одного очень неудачного брака. На деле это была его первая дальняя поездка без отца. Он вез кувшины с сушеными абрикосами, изюмом и орехами и каждый вечер пересчитывал товар с таким выражением, будто за день число мешков могло измениться от ветра.

— Может, изменится, — сказал ему однажды Мурад.

— Особенно если будешь считать вслух рядом с бедными людьми.

Рашид сначала не понял, потом покраснел и стал считать тише.

Был в караване и Джалал. Его называли купцом, хотя товара у него оказалось меньше, чем у Рашида. Два года назад Джалал держал большую лавку шелковых тканей, трех работников и дом с внутренним садом. Теперь он вез несколько тюков чужого товара за долю в прибыли и старался, чтобы никто не замечал разницы между тем, что было, и тем, что осталось. Он по-прежнему требовал, чтобы ему подавали чашу первым, сердился, когда его мул шел не впереди, и несколько раз говорил о «моих людях», имея в виду Хамида, которого нанял Мурад.

Отдельно держалась Зухра. Она была моложе Юсуфа лет на двадцать пять, вдова, торговала красками и тканями и везла на запад два сундука дорогого красителя, связки шерстяной пряжи и восемь небольших свертков ткани, за которые следила внимательнее, чем Рашид за всеми своими абрикосами. С ней ехала девятилетняя дочь Малика и двоюродный брат Усман, человек спокойный и настолько молчаливый, что за первые два дня Юсуф услышал от него только просьбу подать ремень.

Зухра торговалась с Мурадом о цене перевозки дольше всех и в конце получила ровно то, что хотела. Юсуф спросил ее потом, почему караванщик согласился.

— Потому что я знаю, сколько стоит его работа, а он знает, сколько стоит моя, — ответила она.

— Я думал, потому что ты лучше споришь.

— Это тоже.

Малика услышала и объявила матери, что тогда должна была получить еще одну монету скидки.

— Видишь, — сказала Зухра Юсуфу. — Вот почему детям нельзя показывать удачную торговлю.

К сумеркам Мурад нашел для ночлега полуразрушенный двор с низкой глинобитной стеной. За стеной было меньше ветра. Люди разгружали животных, растягивали войлок, проверяли ремни. Рашид хотел помочь и немедленно оказался там, где мешал двум погонщикам одновременно. Джалал потребовал, чтобы его тюки положили под навес первыми. Фарид достал сверток с книгой, но через несколько минут спрятал: пыль лезла между страниц. Зухра заставила Малику собрать сухие ветки, а сама вместе с Усманом проверила замки на сундуках.

Юсуф сначала стоял у стены и смотрел. Потом Мурад бросил ему связку веревки.

— Если умеешь смотреть, сумеешь и держать.

Они вдвоем подтянули край навеса. Левое колено Юсуфа отозвалось болью, когда он присел. Он сделал вид, будто ничего не произошло.

— Старик, — сказал Мурад, не глядя на него, — я беру деньги не за то, чтобы в конце пути хоронить людей, которые

постеснялись сказать, что у них болит нога.

— Я не постеснялся.

— Значит, забыл сказать.

— Бывает.

— Будет чаще.

Юсуф хотел ответить, но Мурад уже ушел к верблюдам.

Огонь разгорался плохо. Дым стелился по двору, ветер несколько раз прижимал пламя к земле. Хамид ругался на сырые ветки. Малика сидела на корточках и внимательно смотрела, как дым выбирает, в чье лицо пойти следующим.

— Он любит господина Фарида, — объявила она.

Фарид отмахнулся рукавом.

— Дым ничего не любит.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что дым не человек.

— Мул тоже не человек, а Хамид говорит, что он тебя не любит.

Все засмеялись, даже Мурад. Фарид улыбнулся позже остальных, но улыбнулся.

Когда огонь наконец стал ровнее, сварили густую похлебку из чечевицы и лука. Юсуф получил деревянную миску, кусок хлеба и воду. Он ел медленно. Дневная дорога была недлинной, но тело, отвыкшее от многих часов пешком, уже напоминало о себе в плечах и пояснице.

Рашид сел напротив.

— Мурад говорит, ты идешь дальше Нишапура.

— Говорит правду.

— До Рея?

— Дальше.

— До Тебриза?

— Дальше.

Рашид перестал есть.

— Куда же?

Юсуф хотел ответить «на запад», но это прозвучало бы так, будто он скрывает что-то важное. Он отложил хлеб.

— К морю.

Разговор вокруг огня не оборвался сразу. Сначала замолчал Рашид. Потом Малика, которая всегда замечала чужое молчание раньше причины. Потом Фарид поднял голову. Наконец даже Джалал перестал объяснять Усману, почему тюки нельзя ставить прямо на землю.

Мурад продолжал есть.

— К какому морю? — спросил Фарид.

— К западному.

— Ты торговец?

— Нет.

— Есть родственники в порту?

— Нет.

— Дело?

— Тоже нет.

Фарид осторожно улыбнулся.

— Тогда, прости, я не понимаю.

— Это не страшно.

— Ты был там раньше? — спросил Рашид.

— Нет.

Малика придвинулась ближе к огню.

— А море большое?

— Говорят, большое.

— Больше Бухары?

— Намного.

— Ты же не видел.

— Не видел.

— Тогда откуда знаешь?

Юсуф рассмеялся.

— Правильно. Не знаю. Говорят, намного больше Бухары.

Малика кивнула, довольная исправлением.

Джалал посмотрел на Юсуфа поверх чаши.

— Сколько тебе лет?

— Достаточно, чтобы этот вопрос перестал меня радовать.

— И ты решил в таком возрасте пройти полмира только посмотреть на воду?

Юсуф пожал плечами.

— Видимо.

— Это глупость, — сказал Джалал.

Зухра подняла глаза.

— Ты же вчера говорил, что снова откроешь большую лавку, не имея своей лавки.

— Это другое.

— Конечно.

Хамид кашлянул, пряча смех.

Фарид спросил:

— Почему сейчас?

Юсуф почувствовал, как внутри него поднимается привычное желание отшутиться. Он уже много лет умел уходить от вопросов, на которые не хотел отвечать. Можно было сказать, что море долго ждало, или что старость делает людей непрактичными. Все бы улыбнулись, разговор ушел бы дальше.

Но за спиной уже не было видно Бухары.

— Потому что раньше я думал, что успею.

Он сказал это тише, чем собирался.

Мурад поднял на него глаза.

Зухра ничего не спросила. Фарид тоже. Только Рашид, еще не научившийся уважать чужую недосказанность, произнес:

— А теперь?

— А теперь я знаю только то, что сегодня вышел из ворот.

Ветер потянул дым к стене. Кто-то подбросил в огонь сухой кустарник. Несколько минут говорили о другом: о том, где купить хороший корм, о разбойниках на южной дороге, о ценах на шерсть. Юсуф был благодарен им за это.

Позже, когда люди готовились спать, Малика подошла к нему с куском лепешки.

— Мама сказала, тебе можно дать половину.

— А вторую половину?

— Я уже съела.

— Разумное разделение.

Она села рядом.

— Ты идешь к морю потому, что кто-то умер?

Юсуф посмотрел на нее.

— Почему ты так решила?

— Когда ты сказал про «успею», мама сделала такое лицо.

— Какое?

Малика попыталась изобразить и получилась похожей на человека с зубной болью.

Юсуф рассмеялся.

— Не совсем такое.

— Значит, умер?

Он помолчал.

— Да.

— Кто?

— Женщина, которую я любил.

Малика подумала.

— Она видела море?

— Нет.

— Тогда ты посмотришь за двоих?

Юсуф хотел сказать, что нельзя видеть за другого. Что никакой берег не вернет человеку чужие глаза. Что мертвые не получают наших впечатлений с посыльным. Все это было

верно и совершенно не нужно девятилетней девочке, сидевшей рядом с его тюком.

— Не знаю, — сказал он.

Малика кивнула.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Взрослые редко говорят «не знаю».

Она ушла к матери.

Юсуф еще долго сидел у стены. Когда двор затих, он открыл тюк и достал маленький сверток ткани. Внутри лежала светлая раковина со сколотым краем. Ничего драгоценного. На рынке за нее едва ли дали бы хорошую монету.

Он держал ее несколько мгновений, не поднося к уху. Сафия когда-то смеялась над людьми, которые слышат в раковине море.

«Там не море, Юсуф. Там твое ухо».

Он тогда спорил. Она прикладывала раковину к его уху и говорила, что мужчина, который весь день считает чужие деньги, вечером готов поверить чему угодно, лишь бы это звучало красиво.

Юсуф завернул раковину обратно.

Сафия умерла шесть лет назад.

К морю они собирались больше двадцати.

Он лег на войлок, подложил тюк под голову и услышал, как за стеной переступает привязанный мул. Где-то тихо кашлял Хамид. Мурад разговаривал с ночным сторожем.

Фарид, несмотря на хорошее воспитание, храпел.

Юсуф улыбнулся в темноте.

До рассвета оставалось несколько часов.

Путь уже шел без него.

Часть I. Увидеть Путь

За западными воротами

Рашид разбудил Юсуфа еще в темноте.

— Ты обещал.

— Я много чего обещал в жизни. Уточни.

— Вчера. Про то, когда начинается настоящая дорога.

Юсуф открыл глаза. Над двором стояло холодное пред-
рассветное небо. В углях еще теплился красный свет. Люди
спали, завернувшись в войлок, но мир вокруг них уже работ-
тал: Мурад негромко ругался на верблюда, Хамид затягивал
подпругу, Зухра складывала одеяла, где-то за стеной лаяла
собака.

— Сейчас не время для мудрости, — сказал Юсуф. —
Сейчас время найти сапог.

Один сапог действительно исчез. Он нашелся под сверну-
тым ковром Фарида, который с вечера приказал слуге убрать
вещи подальше от пыли. Пока Юсуф обувался, Малика сто-
яла рядом и смотрела на него с явным сомнением.

— Мудрые тоже теряют сапоги?

— Особенно мудрые. Они думают о высоком и не смот-
рят, куда ставят ноги.

— Значит, Мурад мудрее тебя. Он никогда ничего не те-

ряет.

Мурад услышал.

— Я терял караван в снегу.

Малика тут же повернулась к нему.

— Целый?

— Половину.

— И нашел?

— Весной.

Ребенок широко раскрыл глаза. Мурад подождал несколько мгновений.

— Следы нашел. Людей нет. Поэтому сейчас ешь хлеб и не мешай Хамиду считать животных.

Смех оборвался не сразу, а словно сбился на шаг. Малика ушла к матери. Юсуф посмотрел на Мурада, но тот уже отвернулся. Так в первую же неделю он понял, что караванщик умеет оставлять рядом шутку и смерть, не объясняя, как они помещаются в одном человеке.

Когда они вышли, солнца еще не было. Восток светлел, и Бухара лежала далеко за спиной. Рашид догнал Юсуфа.

— Так что с дорогой?

Юсуф шел некоторое время молча.

— Пока ты спал, она не стояла. Ветер шел. Люди вставали. Где-то открывали ворота, где-то закрывали. Кто-то родился, кто-то умер. Мы еще не поднялись, а день уже начался.

— Я спрашивал не про день.

— Я знаю.

— Тогда ты уходишь от ответа.

— Возможно.

Рашид нахмурился.

Юсуф улыбнулся.

— Когда я был моложе, мне нравилось отмечать начало. Первый день торговли. Первый свой дом. Первый раз, когда я уехал один. Казалось, мир ждет, пока я решу. Потом заметил, что чаще я просто в какой-то момент понимаю: все уже идет, а я наконец увидел себя внутри.

— И это настоящий ответ?

— На сегодня.

— А завтра будет другой?

— Если повезет.

Ветер поднялся после восхода. Сначала прохладный, потом сухой и резкий. Он гнал пыль низко над землей и залезал под одежду. Рашид закрывал лицо платком и раздраженно дергал повод мула. Малика, наоборот, распустила край покрывала и пыталась поймать воздух, как парус.

— Один и тот же ветер, — сказал Рашид. — Почему ей весело, а мне хочется его проклясть?

— Потому что у тебя везут товар, а у нее ничего не намокнет от пыли, — ответила Зухра раньше Юсуфа.

Рашид засмеялся.

— Я думал, старик сейчас скажет что-нибудь о душе.

— Он скажет, если не успею я, — сказала Зухра.

Юсуф поднял руки.

— Сегодня мудрость занята торговлей красителями.

Через час дорога стала хуже. Каменистый участок терялся между невысокими холмами. Следы колес расходились в разные стороны, несколько троп пересекались, будто каждый предыдущий караван менял решение на ходу.

Рашид остановился.

— Тут нет дороги.

Мурад, ехавший впереди, даже не обернулся.

— Тебе ее отсюда не видно. Не одно и то же.

Юсуф услышал и усмехнулся.

— Запомни, — сказал он Рашиду. — Я бы за такую фразу в молодости заплатил хорошую монету.

— А сейчас?

— Сейчас Мурад дал бесплатно. С возрастом иногда начинаешь получать ценное от людей, которым раньше не стал бы задавать вопрос.

Мурад все-таки обернулся.

— Если будешь слишком много говорить, я начну брать деньги.

К полудню они вышли к низкой гряде. Мурад развернул старую карту, нарисованную на плотной ткани. Фарид сразу спешился. Он читал карту лучше большинства и с удовольствием это показывал.

— Здесь должна быть развилка к колодцу.

— Была, — сказал Мурад.

— Почему была?

— Потому что ручей два года назад ушел ниже, и колодец забросили.

— На карте он есть.

— Карта старше ручья.

Фарид провел пальцем по линии.

— Но если держаться западнее, мы должны выйти к старому поселению.

Мурад посмотрел на землю, на солнце и на едва заметный след копыт.

— Выйдем. Только ночевать там негде.

— Откуда ты знаешь?

— Был прошлой осенью.

Фарид поджал губы. Юсуф неожиданно почувствовал желание поддержать его. Образованный молодой человек говорил спокойно, карта была ясна, а Мурад отвечал так, будто вся письменность создана главным образом для ошибок.

— Карта все же не бесполезна, — сказал Юсуф.

— Не бесполезна, — согласился Мурад. — Я по ней знаю, где люди ошибались пять лет назад.

Хамид прыснул. Фарид резко повернулся.

— Тебе смешно?

— Нет, господин.

— Я слышал.

— Значит, ветер смеялся моим голосом.

— Хамид, — сказал Мурад.

Тот сразу замолчал.

Юсуф посмотрел на карту и вспомнил другой перевал, много лет назад. Тогда ему самому дали хороший чертеж пути. Он берег его от дождя лучше одежды, пока обещанный поворот не исчез вместе с частью склона после весенних вод. Юсуф потратил почти день, доказывая проводнику, что дорога должна быть там, где ее нет. Старый пастух, встретившийся под вечер, спросил, шел ли дождь на его карте. Юсуф тогда рассердился, потому что вопрос показался насмешкой.

Он рассказал это Фариду позже, когда они снова двинулись.

— И после этого перестал пользоваться картами? — спросил молодой человек.

— Наоборот. Стал внимательнее выбирать хорошие.

— Тогда я не понимаю смысла истории.

— Может, у нее нет смысла для тебя.

Фарид усмехнулся.

— У тебя все истории так заканчиваются?

— Хорошо бы. Обычно я порчу их объяснением.

К вечеру одна из повозок отстала. Сначала никто не тревожился. Мурад оставил двух людей ждать на развилке, а основной караван прошел вперед к месту ночлега. Прошел час. Потом еще один.

Джалал сказал, что у повозки наверняка сломалась ось.

Рашид предположил, что один из погонщиков заболел.

Фарид заметил, что неподалеку видели незнакомых всадников.

Зухра спросила, откуда он это знает.

— Мне сказали утром у водополя.

— Кто?

— Человек.

— Какой?

Фарид раздражился.

— Не помню. Это имеет значение?

— Если из-за его слов ты сейчас собираешься послать людей искать разбойников, имеет.

Усман, который обычно молчал, сказал:

— Могли повернуть к колодцу.

— К заброшенному? — спросил Рашид.

— Они могли не знать, что он заброшен.

Через несколько минут вокруг отсутствующей повозки уже существовала целая жизнь. Там были сломанная ось, больной погонщик, разбойники, ошибочный поворот, сбежавший мул. Малика слушала взрослых, потом подошла к Юсуфу.

— А что случилось на самом деле?

— Не знаю.

— Ты всегда так говоришь.

— Не всегда. Только когда не знаю.

— А они?

Юсуф посмотрел на спорящих.

— Они знают много разных вещей. Просто ни одна пока не случилась здесь.

Повозка появилась после захода солнца. Один мул хромал. Погонщики шли пешком и были злы от усталости. Никаких разбойников, сломанной оси или болезни не оказалось.

Фарид помог разгрузить повозку, не произнеся ни слова о всадниках.

Ночью начался спор из-за воды. Мурад заранее определил, сколько можно потратить до следующего надежного источника. Джалал потребовал больше для себя и своего мула.

— Я заплачу.

— Вода не станет от этого ближе, — сказал Мурад.

— У меня товар дороже, чем у половины этих людей.

— Вода не знает цену твоего товара.

Джалал покраснел.

— Когда я вел собственные караваны, люди не разговаривали со мной таким тоном.

Мурад спокойно посмотрел на него.

— Сейчас ты не ведешь собственный караван.

Тишина стала тяжелой. Юсуф увидел, как Джалал сжал челюсти. На мгновение ему стало жаль человека, который еще вчера распоряжался людьми, а сегодня должен просить лишний ковш воды.

— Можно дать ему из моей доли, — сказал Юсуф.

Мурад перевел взгляд на старика.

— Можно. Тогда завтра твоя доля будет меньше.

— Я понимаю.

— Нет, — неожиданно сказал Джалал. — Не надо.
Он встал и ушел от огня.

Позже Юсуф нашел его у животных.

— Я не хотел тебя унижить.

— Ты как раз хотел быть добрым. Иногда это хуже.

Юсуф почувствовал раздражение.

— Предложить воду теперь унижение?

— Когда человек привык покупать воду для других, да.

— Тогда твоя гордость дороже жажды.

Джалал повернулся к нему.

— А твоя мудрость дешевле чужой гордости?

Юсуф уже открыл рот, но остановился.

Джалал ушел.

Это была первая ночь, когда Юсуф лег сердитым не на дорожку, а на человека. Утром ему стало стыдно, но извиняться он не пошел. Решил, что разговор сам растворится.

Он не растворился.

На третий день дорога привела их к небольшому селению. Рашид слышал, что местный староста не любит чужаков и берет плату за каждое животное. Фарид подтвердил: такая репутация у места была давно. Мурад приготовил деньги заранее.

Ворота оказались открыты. Староста вышел сам, велел дать детям молока, показал, где можно напоить животных, и отказался брать плату с тех, кто уйдет утром.

— Нам повезло, — сказал Рашид.

— Похоже на то, — ответил Юсуф.

— А ты не скажешь, что мы ошиблись в ожидании?

— Ошиблись.

— Тогда почему только «похоже»?

Юсуф посмотрел на старосту, который спорил с Мурадом о состоянии дороги впереди.

— Потому что одна открытая дверь не делает весь мир гостеприимным. Но старая история тоже не имеет права закрывать дверь, которая сегодня открыта.

Малика, сидевшая рядом, вздохнула.

— Опять длинно.

— Что бы сказала ты?

— Мы думали, что он плохой. Он оказался нормальный.

Юсуф рассмеялся.

— Вот поэтому тебе пока не нужна философия.

Вечером он увидел Джалала у колодца. Купец сам набирал воду и неловко держал тяжелый кувшин. Юсуф подошел помочь. Джалал сначала хотел отказаться, потом отдал ему второй сосуд.

Они не говорили о вчерашнем.

Иногда примирение начинается не со слова.

Юсуф подумал это и почти произнес вслух. Потом решил не портить момент.

Пыль

Через два дня после селения дорога стала ровнее, и именно поэтому люди перестали смотреть под ноги.

Колеса повозок сами нашли глубокую колею, выбитую прежними караванами. Мурад ехал впереди, разговаривая с одним из проводников. Рашид уснул в седле. Джалал наконец разрешил своему мулу идти не первым. Юсуф шел рядом с Хамидом и слушал, как молодой погонщик насвистывает одну и ту же короткую мелодию.

— Почему все едут здесь? — спросила Малика.

— Потому что здесь дорога, — ответил Фарид.

Хамид посмотрел на колею.

— Или потому что здесь все едут.

Фарид вздохнул.

— Это и называется дорогой.

Через час колея привела их к размытому низкому месту. Дождь, прошедший здесь несколько дней назад, превратил почву в тяжелую грязь. Первая повозка прошла, вторая увязла до ступицы.

Мурад слез с коня.

— Все, кто ел вчера, теперь могут отработать.

Джалал остался стоять.

— Мой груз не на этой повозке.

Мурад не поднял головы.

— Тогда можешь смотреть. Только не подсказывай.

Юсуф, Хамид, Рашид и еще несколько человек взялись за колесо. Грязь засасывала сапоги. Верблюды нервничали. Фарид тоже подошел, снял верхний халат и вместе со всеми толкнул повозку. Через полчаса ее вытащили.

Малика принесла Юсуфу воду.

— Хамид был прав.

— В чем?

— Здесь все ехали, поэтому здесь стало плохо.

— Не совсем поэтому.

— Но немного поэтому?

— Немного.

— Тогда почему взрослые всегда отвечают так, будто половина правды хуже всей ошибки?

Юсуф посмотрел на нее.

— Ты когда-нибудь устаешь задавать вопросы?

— Нет.

— Счастливый возраст.

После привала Мурад повел караван выше, по более сухому склону. Старый след остался внизу, блестя лужами.

Юсуф подумал, сколько раз в жизни он называл привычное правильным только потому, что видел перед собой много чужих следов. Но мысль не стала откровением. Ноги мерзли от мокрых сапог, и это занимало его сильнее.

На следующий день они увидели другой караван высоко на склоне. Рашид долго смотрел туда.

— Вот люди умеют выбирать путь. Уже почти наверху.

— Они спускаются, — сказал Мурад.

— Откуда знаешь?

— Пыль за ними.

Рашид прищурился и увидел.

Юсуф засмеялся.

— Я долго завидовал людям по высоте, не спрашивая, куда они идут.

— Ты опять про себя? — спросил Рашид.

— Про себя удобнее. Остальные могут возразить.

К вечеру небо на юге стало желтым.

Мурад заметил это первым. Он остановил караван, долго смотрел на горизонт, потом велел затянуть покрывала на товарах и проверить веревки.

— Что будет? — спросил Фарид.

— Пыль.

— Сильная?

— Достаточно.

Мурад хотел уйти с открытой равнины к невысоким каменным выступам севернее. Хамид подошел к нему и сказал, что видел утром заброшенную глинобитную постройку к западу, ниже сухого русла.

— Там можно закрыть животных.

Фарид покачал головой.

— Западнее мы потеряем дорогу. До камней ближе.

— До камней открытая земля, — ответил Хамид.

— Ты проводник?

— Нет.

Фарид повернулся к Мураду.

— У тебя есть карта. Зачем слушать мальчика, который видел какую-то стену издали?

Юсуф, сам не понимая почему, сказал:

— Камни действительно ближе. В бурю лишнее расстояние может стать важнее хорошей стены.

Хамид посмотрел на него так, будто услышал что-то неожиданное.

Мурад спросил:

— Ты видел вход в ту постройку?

— Видел тень от ворот.

— Животные поместятся?

— Не знаю.

— Камни точно есть, — сказал Фарид.

Мурад принял решение идти к камням.

Буря настигла раньше.

Сначала воздух стал плотным. Потом исчез горизонт. Пыль пришла не стеной, как рассказывают люди, которым нравится украшать непогоду, а постепенно: ветер усилился, свет стал грязно-желтым, песок начал бить в лицо. Еще через несколько минут стало трудно открыть глаза.

Люди обматывали лица тканью. Верблюды упрямились, повозки шли медленно. Мурад кричал, чтобы держались ближе. Юсуф видел впереди только спину Джалала и край

тюка.

Потом одна из повозок остановилась. Хамид полез под колесо, Мурад выругался. Фарид крикнул, что впереди камни. Но камни, которые казались близкими, все не приходили.

Юсуф почувствовал, как старый страх неожиданно поднялся из тела раньше мысли. Много лет назад он попал в зимнюю метель на другой дороге. Тогда один человек исчез на расстоянии нескольких десятков шагов и больше не вернулся. Сейчас было тепло, рядом были люди, под ногами сухая земля, но сердце уже знало совсем другую ночь.

Кто-то схватил его за рукав.

— Старик, не отставай!

Голос был хриплый, резкий. Юсуф дернулся так сильно, что едва не ударил человека посохом.

Это оказался незнакомый погонщик, присоединившийся к ним утром.

— Ты что?

— Ничего.

— Я тебя держу, а ты дерешься.

— Прости.

Юсуф еще долго чувствовал в пальцах готовность ударить. Голос человека был похож на голос прежнего хозяина торгового двора, где Юсуф работал в молодости. Тот бил работников за ошибки и всегда говорил тихо, пока не начинал кричать. Старика давно не было в живых, а тело Юсуфа нашло его посреди пыльной равнины без всякого разрешения.

Каменные выступы оказались ниже, чем Мурад надеялся. Они давали немного защиты людям, но животные оставались на ветру. Хамид, закрывая лицо рукавом, сказал:

— Та стена была бы лучше.

Фарид резко ответил:

— Если бы мы вообще ее нашли.

Хамид посмотрел на Юсуфа.

Старик понял взгляд и сразу почувствовал раздражение.

— Сейчас не время выяснять, кто был прав.

— Конечно, — сказал Хамид. — Когда прав не тот человек, время всегда неудобное.

Юсуф вспыхнул.

— Ты забываешься.

Мальчик замолчал.

Мурад, стоявший рядом, коротко сказал:

— А ты стареешь плохо, Юсуф.

Это ударило сильнее, чем слова Хамида.

Буря длилась несколько часов. Люди сидели прижавшись к камню. Говорить было почти невозможно. Пыль забивалась в одежду, в волосы, в воду, которую пытались пить маленькими глотками. Малика сначала плакала, потом уснула у матери на коленях. Зухра держала край покрывала над дочерью и время от времени проверяла, не ослабла ли веревка на сундуке. Рашид молча прижимал к себе мешок с документами. Джалал отдал свой плащ Усману, которому досталось место с ветреной стороны, и сделал это так быстро, что

никто не успел заметить, кроме Юсуфа.

Когда стало тише, солнце уже садилось. Ветер еще нес пыль, но люди могли видеть друг друга.

Мурад велел не двигаться до утра.

— Мы потеряли полдня, — сказал Фарид.

— Мы сохранили ночь, — ответил караванщик.

Хамид ушел проверять животных.

Юсуф долго сидел на камне. Потом встал и пошел за ним.

Молодой погонщик распутывал ремни на одном из мулов.

— Хамид.

— Да?

— Я ошибся.

— В чем именно? Сегодня было много возможностей.

Юсуф чуть не рассердился снова, но удержался.

— В дороге. В том, что поддержал Фарида. И потом, когда ты сказал правду, я ответил тебе не на нее, а на то, что ты младше меня.

Хамид продолжал работать.

— Хорошо.

— Все?

— А что еще надо?

— Не знаю. Обычно люди хотя бы делают вид, что им приятно чужое признание.

— Мне приятно. Только мулу ремень давит.

Юсуф стоял рядом несколько мгновений, потом помог ослабить пряжку.

— Ты все-таки дерзкий.

— А ты все-таки старый.

— Это пока не моя заслуга.

Наутро Хамид ушел проверить западное русло и вернулся через час.

— Стена была там.

Фарид ничего не сказал.

Мурад спросил:

— Большая?

— Двор. Половина крыши цела. Ворота широкие.

— Запомню.

Он сказал это так просто, будто чужая правота не отнимала у него ничего.

Юсуф почувствовал новую, неприятную зависть: иногда практическому человеку легче признать ошибку, чем тому, кто привык думать о себе как о человеке понимания.

Дорогу после бури почти не было видно. Ветер засыпал следы. Мурад взял направление по солнцу и редким приметам земли.

К полудню они подошли к склону, который накануне с другой стороны казался сплошной стеной. При новом свете между камнями обнаружился проход.

Малика спросила:

— Его ночью сделали?

— Конечно, — сказал Хамид. — Камни всю ночь работали, пока мы сидели.

Она засмеялась.

Юсуф хотел объяснить про свет, положение человека и границу видимого, но Мурад сказал:

— Вчера мы смотрели с другой стороны.

Этого оказалось достаточно.

Вечером они остановились в маленьком дорожном доме. Комната была темная, одна лампа висела у двери. Свет хватывал стол, кувшин и часть стены. Дальний угол исчезал.

Малика спросила, что там.

— Ничего, — сказал Рашид.

Хамид поднял лампу. В углу стояли корзины, свернутый ковер и старое седло.

— Вот твое ничего, — сказал он.

Юсуф посмотрел на освещенный угол и вспомнил, как страх во время бури осветил ему одну старую ночь так ярко, что сегодняшний человек едва не получил удар чужого прошлого.

Незнакомый погонщик с хриплым голосом сидел у стены.

Юсуф подошел.

— Как тебя зовут?

— Саид.

— Я вчера едва тебя не ударил.

— Я заметил.

— Голос напомнил одного человека.

Саид пожал плечами.

— Мой голос виноват?

— Нет.

— Тогда пусть остается.

Юсуф рассмеялся.

Саид тоже.

На следующую ночь один из людей почти не спал перед сложной переправой. Он заранее рассказывал, как оборвется веревка, как животное уйдет под воду, как намокнет товар, как хозяин не простит потери.

— Ты уже утонул три раза, — сказал ему Мурад утром.

— Теперь попробуй перейти один.

Река оказалась спокойнее, чем ожидали. Переправились медленно, без потерь. Тот человек, оказавшись на другом берегу, сказал:

— Зря боялся.

Юсуф покачал головой.

— Не зря. Ты действительно прожил плохую ночь. Просто событие, которое тебя измучило, не произошло в реке.

— Тогда где?

— Там, где ты его построил.

Хамид, стоявший рядом, добавил:

— Хорошо хоть мул не знал. Он бы тоже не спал.

На узкой дороге после переправы сверху сорвался камень. Он ударил в край повозки и разбил деревянный ящик. Внутри были чаши. Несколько расколосось.

Хозяин товара сел у дороги.

— За что мне это?

Фарид попытался его успокоить. Кто-то сказал, что, возможно, это предупреждение не идти дальше. Другой вспомнил ссору хозяина утром и намекнул на наказание.

Юсуф поднял осколок крышки.

— Камень лежал выше. Потом перестал лежать.

— И все? — спросил хозяин.

Юсуф посмотрел на разбитую посуду.

— Это все, что я знаю.

Человек отвернулся, раздраженный.

Юсуф понимал его. Боль почти всегда требует историю крупнее случайности. Когда история появляется, мир хотя бы выглядит так, будто с ним можно спорить.

Но он вспомнил Сафию и годы, когда сам искал объяснение, достаточно большое, чтобы вместить ее смерть.

Не нашел.

К вечеру Мурад велел остановиться раньше обычного. Никто не спорил.

Они ели в тишине. Ветер стих. Пыль еще лежала на одежде, в волосах, в складках тюков. Зухра вычесывала ее из волос Малики. Фарид сушил карту. Хамид спал, не доев хлеб. Джалал чинил порванный ремень, хотя еще несколько дней назад обязательно позвал бы работника.

Юсуф сидел у огня и смотрел на них.

Путь за три дня не сделал никого мудрее.

Он только немного стер с каждого то, что тот считал неизменным.

Двор со многими дорогами

Большой караван-сарай появился к вечеру как крепость посреди пустой земли. Его стены были выше, чем требовалось для ночлега, ворота широки, двор забит людьми, животными и голосами. Пахло навозом, луком, кожей, потом, дымом, горячим маслом и чужой дорогой.

Мурад задержался у ворот дольше обычного. Нужно было договориться о месте для животных, проверить воду, узнать новости о дороге впереди. Юсуф стоял рядом и видел, как быстро меняется человек, когда входит в пространство с правилами: на дороге Мурад почти никому не уступал, а здесь терпеливо ждал, пока управляющий двором закончит разговор с богатым купцом.

— Почему ты его не перебьешь? — спросил Хамид.

— Потому что ночью мы хотим, чтобы наши животные стояли под крышей.

— А если он будет говорить до утра?

— Тогда перебую.

Мурад умел терпеть ровно до той точки, после которой терпение становилось дорогим.

Им дали дальний угол двора. Джалал остался недоволен.

— Раньше мне всегда давали место ближе к внутренним комнатам.

— Раньше ты приезжал с шестью верблюдами собствен-

ного товара, — напомнил Мурад.

Джалал ничего не ответил.

Юсуф видел, как часто человек продолжает спорить не с сегодняшней дверью, а с тем, кем был перед нею вчера.

В комнате, которую выделили Юсуфу, дверь заедала. Чтобы открыть, ее приходилось приподнимать за нижний край. Малика сразу нашла в этом развлечение и несколько раз входила и выходила, проверяя, станет ли дверь послушнее.

— Вчера, наверное, был дождь, — сказала она.

Плотник, проходивший мимо, услышал.

— Дождь был месяц назад. Дверь кривая третий год.

— Почему не почините?

— Потому что она все-таки открывается.

Это объяснение оказалось настолько знакомым всем взрослым, что никто не засмеялся.

Первую ночь почти никто не спал хорошо. Во дворе кричали погонщики, верблюд у соседней стены кашлял человеческим кашлем, кто-то поздно приехал, кто-то до рассвета спорил о цене потерянного тюка. Утром лица за общим столом выглядели так, будто ночь лично оскорбила каждого.

К полуночи у дальнего огня появился еще один постоялец — молодой человек с коротким луком в чехле и мечом, слишком хорошим для обычного погонщика. Он ел быстро, спиной к стене, не снимая сапог. Мурад спросил, с кем он идет.

— Пока один.

— А раньше?

Человек посмотрел на ворота.

— Раньше не один.

Больше Мурад не спрашивал. Когда во двор поздно вошли трое всадников, молодой человек перестал есть и незаметно переместился туда, где свет от ламп не доходил до стены. Утром его места уже не было. Осталась только примятая солома.

Юсуф спросил, почему Мурад не выяснил, от кого тот прячется.

— Потому что ночью он никому не угрожал, за место заплатил и к нашим тюкам не лез.

— А если он опасен?

— Тогда смотри не на то, откуда он ушел. Смотри, что он делает рядом с нами.

Рашид разлил воду и выругался.

Фарид резко ответил мальчику, который задел его локоть.

Джалал заявил, что хозяева двора нарочно дают гостям плохой хлеб.

Юсуф попробовал хлеб. Он действительно был плохой.

— Вот видишь, — сказал Джалал.

— Вижу.

— И никакой философии?

— Сегодня у меня ее тоже плохо испекли.

Зухра засмеялась.

Позже Юсуф пошел в баню. Старый банщик, увидев его

лицо, спросил:

— Спал?

— Немного.

— Ел?

— Пока нет.

— Тогда не решай ничего важного до обеда.

— Ты всем так говоришь?

— Нет. Молодым говорю: сначала перестаньте орать.

В соседней комнате ученик лекаря спорил со своим наставником.

— Страх рождается в голове, — уверенно сказал ученик.

Старый лекарь взял Юсуфа за запястье и показал ученику.

— Тогда почему сердце этого человека ускорилося, когда ты внезапно подошел сзади?

— Я просто испугался холодной руки, — сказал Юсуф.

— Тем лучше.

Ученик не оценил шутку.

Лекарь объяснил ему что-то о дыхании, пульсе и теле, а Юсуф слушал и вспоминал, сколько лет считал мысли главными начальниками собственной жизни. Будто тело было плохим слугой, которое обязано спокойно исполнять решения разума. С возрастом и болезнями пришлось узнать, что слуга иногда первым замечает пожар.

После бани он съел две чаши горячей похлебки. Мир сразу стал менее враждебным.

Рашид пришел к нему с лицом человека, которому только

что открылась великая несправедливость.

— Джалал говорит, я плохо веду торговлю.

— Ты плохо ведешь торговлю?

— Не знаю. Но почему он решил?

— Спроси его.

— Я спрашивал. Он сказал, что я слишком легко показываю, сколько хочу заработать.

Юсуф отломил хлеб.

— Может быть, прав.

— Ты даже не услышал мою сторону.

— Я еще не наелся.

Рашид ушел, возмущенный.

Через несколько минут Юсуф подумал, что банщик был прав: после еды он бы ответил иначе.

Днем Зухра торговалась на рынке при дворе. Юсуф пошел с ней, потому что собирался купить новую кожаную накладку на посох. Он ожидал увидеть, как женщина осторожно предлагает товар мужчинам, но Зухра вела переговоры так, будто каждый человек у прилавка был просто еще одной ценой, которую надо проверить.

Один торговец попытался снизить стоимость ее красителя, сославшись на плохой цвет.

— Тогда зачем ты держишь мешок уже десять минут? — спросила она.

— Проверяю.

— Плохой товар проверяют быстрее.

— У тебя острый язык.

— Я продаю краску, не язык.

В итоге он купил два свертка дороже, чем предлагал сначала.

— Твой муж тоже торговал? — спросил Юсуф по дороге назад.

Зухра посмотрела на него холодно.

— Почему муж?

Юсуф понял ошибку не сразу.

— Я хотел спросить, у кого ты училась.

— У матери. Потом у хозяина красильни. Потом у людей, которые пытались меня обмануть.

— Хорошие учителя.

— Дорогие.

Юсуф кивнул.

Он поймал себя на том, что еще утром мысленно называл Зухру «вдовой с девочкой», хотя перед ним была торговка, которая лучше половины каравана знала цену ткани и умела удерживать дело после смерти мужа.

Вечером за общим столом произошла глупая ссора.

Малика поставила чашу слишком близко к краю. Фарид, у которого днем не состоялась нужная встреча, резко схватил ее за руку.

— Сколько раз можно говорить, смотри, что делаешь!

Девочка испугалась и отдернула руку. Чаша не упала.

Зухра поднялась мгновенно.

— Не трогай моего ребенка.

Фарид отпустил Малику.

— Я не сделал ей ничего.

— Тогда тебе будет легко больше не делать.

Фарид покраснел.

— Она могла разбить посуду.

— И ты решил сначала разбить вечер?

Хамид отвернулся, чтобы не было видно лица.

Фарид ушел из-за стола.

Через час Юсуф нашел его у стены.

— Я знаю, что ты скажешь.

— Тогда мне легче.

— Что я устал, поэтому сорвался.

Юсуф сел рядом.

— А ты устал?

— Да. Ночью не спал. Днем человек, к которому меня направили, отказался принять письмо моего отца. Я выглядел глупо перед половиной двора. Еще этот мальчишка Хамид весь день ухмыляется.

— Малика пришла последней.

Фарид помолчал.

— Это оправдание?

— Нет.

— Тогда зачем ты это говоришь?

— Чтобы чаще не пришлось отвечать за все, чем тебя наполняли с утра.

Фарид посмотрел на него.

— Ты всегда умеешь так красиво перевести простую грубость?

Юсуф усмехнулся.

— Нет. Иногда я просто груб.

Наутро Фарид купил Малике маленький деревянный свисток. Зухра сказала, что подарки не заменяют извинения. Фарид вздохнул и извинился словами. Малика приняла оба варианта.

Сам Юсуф в тот день разбил чашу.

Он помогал хозяину комнаты переставить сундук, задел локтем полку. Глиняная чашка упала и разлетелась. Хозяин пожал плечами.

— Старая.

Юсуф почувствовал странно сильный стыд.

— Я заплачу.

— Не надо.

— Заплачу.

— Если очень хочется, плати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.